ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

РОЛЬ ЕВРЕЙСКОГО ФАКТОРА В РАЗРУШЕНИИ СТАРОЙ И СОЗДАНИИ НОВОЙ ЕВРОПЫ

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)

Показана роль еврейского фактора в формировании устоев складывающегося капитализма и разрушении феодально-клерикального строя, прослеживается влияние иудаизма на образование новых экономических практик. Рассматривается феномен ростовщичества и его расцвет в неблагоприятных условиях феодальной Европы. Объясняется, почему историческое рассеяние евреев способствовало денационализации хозяйственной жизни. Выясняются причины и возможности финансово-экономической активности еврейских общин, зарождение института «придворных факторов». На конкретных примерах доказывается, в чем состоит специфический вклад евреев в дух экономических нововведений и предприимчивости. Изучается опыт религиозной толерантности (ВКЛ, Голландия, США) и вызревания антисемитских настроений. Проводятся исторические параллели между протестантизмом и еврейством как двумя важнейшими силами, в равной степени заинтересованными в пересмотре средневекового миропорядка и установлении новых юридических правил. Показано и принципиальное различие между ними по экономическим, мировоззренческим и духовно-культурным параметрам.

Ключевые слова: *капитализм, новая экономика, ростовщичество, финансы, иммиграция; религия, антисемитизм, протестанты, пуританизм.*

Введение. Эпоха зарождающегося капитализма, подорвавшего феодально-клерикальные устои средневековой Европы, будет неполной в своем изображении без упоминания той роли, которую сыграл в ней еврейский фактор. Его экономическая составляющая просто ошеломляет, особенно с учетом того, что евреи демонстративно самоустранились и формально изолировались ото всех европейских дел: политических, юридических, религиозных, духовно-культурных. Однако они заложили долговременную основу для подчинения хозяйственной жизни торговым операциям, что является главной особенностью развитого капитализма. Попытаемся в самых общих чертах понять, за счет чего евреям удалось «расшатать» привычный (т.е. средневековый) экономический и социальный уклад, занять «свое место под солнцем».

Основная часть. Справедлива ли гипотеза [1, с. 250] о несомненности факта, что у евреев есть особое предрасположение к торговле и финансам, обозначившееся именно в тот момент, когда они начинают оказывать решающее влияние на развитие капиталистического духа с XVI столетия?

Капитализм немыслим без капитала, а он в позднее Средневековье и в начале Нового времени в значительной степени был в руках евреев. Как писал об умонастроениях Ф. Бэкон, «ростовщику подобает желтый колпак, ибо он жидовствует» [2, с. 443]. Но без них – никак. Давно отмечено, что привлечение евреев способствует росту экономики в эпоху складывающегося капитализма (Англия, Венеция, Голландия), их изгнание – ведет к упадку (Испания, Португалия). Именно они создали вексель и биржу, внедрение которых в хозяйственную жизнь порождает необходимость тайны и анонимности в финансовых операциях. В этом они находили точки соприкосновения с рыцарями Храма – тамплиерами, причем последние охотно «прокручивали» еврейские капиталы. Это разрушает систему обычаев и морали в христианском обществе, и вот почему. Если раньше, например, долг имел характер отношения двух конкретных людей и кроме денежной стороны включал в себя чувство благодарности, то в форме векселя он отрывается от человеческих отношений, полностью теряет личный характер. Биржа и рынок ценных бумаг подчиняют этому новому духу всю хозяйственную жизнь в национальном и мировом масштабе.

Последнее заслуживает особого внимания. Евреи способствовали денационализации хозяйственной жизни благодаря своим интернациональным связям: интересы не только конкретных людей, но и государств стали подчиняться интересам банковских домов. Этому способствовало историческое рассеяние евреев, а их изоляция внутри страны, в которой они проживали, делала для них чуждыми и непонятными моральные нормы традиционного общества, что облегчало их разрушение.

Основная причина изоляции евреев крылась в экономической эволюции, сформировавшей как феодальный мир, так и городское общество, полагает Ж. Ле Гофф [3, с. 386]. Евреев невозможно было включить в систему вассальных связей, сделать членами коммуны. Им нельзя было приносить вассальную

клятву, от них нельзя было требовать присяги на верность коммуне. Мало-помалу они были отлучены от владений землей или пожалований, от ремесла и торговли. Поэтому им, образованным и активным элементам, оставались лишь маргинальные или незаконные виды ростовщичества и финансовых спекуляций. Лоуренс Харрисон отмечает: «Находясь в условиях запрета на владение землей и отсутствия защищенности, которую оно давало, но при этом получая прибыль от городских занятий – а также вследствие большого значения, традиционного придававшегося образованию, сбережениям и внутреннему доверию, – евреи нередко становились богатыми» [4, с. 87]. Но только кредитом, ценными бумагами и торговлей рационализацию евреями экономического процесса не объяснить.

Сыграл свою роль и религиозный фактор. Один из основоположников современной западной социологии немецкий профессор Вернер Зомбарт (1863–1941) убежден, что «если мы хотим проследить влияние религии на образование капиталистического духа, то является само собой понятным, что мы подвергаем влияние еврейской религии особому рассмотрению и здесь прежде всего устанавливаем, что в раннюю эпоху капитализма религия имела выдающееся значение также и у евреев и тем самым сделалась руководящей для всего порядка жизни. Также и у евреев, – *прежде всего у евреев,* можно с уверенностью сказать» [1, с. 271]. Здесь следует уточнить, что *jude* по-немецки значит и «еврей», и «иудей»; *jüdisch* – и «еврейский», и «иудейский», а поскольку большинство авторов в еврействе усматривают прежде всего религиозную общность, речь не идет о физическом, расовом типе [5, с. 543]. В настоящее время, к слову, в самом Израиле «настоящим» евреем считается лишь тот, кто исповедует иудаизм.

Чрезмерно строгая религиозность была распространена не только в широких массах еврейского народа, ортодоксальными иудеями оставались интеллигентные и богатые слои: те, следовательно, в среде которых рождался капиталистический дух. Не только частная жизнь евреев, но и хозяйственный образ их мыслей были подвержены еврейской религии, что позволило, замечает С. Хантингтон [6, с. 59], на протяжении многих веков сохранять свою культурную идентичность, живя в западной, православной и исламской цивилизациях. Можно говорить о неких концепциях, принятых практиках и усвоенных институтах.

Рассмотрим это на примере ростовщичества. В нем устраняется всякий конкретный элемент, вся деятельность принимает чисто коммерческий характер. Это не физическая и не духовная, осмысленная сама по себе деятельность, ее смысл перенесен на конечный результат – деньги. Но католическая церковь яростно боролась с ростовщичеством, даже существовал особый суд, ведавший ростовщичеством, причем уличенный священник лишался сана, а мирянин не допускался к причастию. Канву событий отследил Ниал Фергюсон: «На третьем Латеранском Соборе в 1179 году всех ростовщиков отлучили от церкви. Ну а отказавшихся считать ростовщичество греховным просто-напросто объявили еретиками на Венском Соборе 1311–1312 годов. Редкие ростовщики-христиане могли быть похоронены на освященном кладбище лишь после списания своих доходов в пользу церкви. Особенно рьяно преследовали ростовщиков монахи францисканского и доминиканского орденов, основанных в 1206–1216 годах соответственно» [7, с. 46].

Но это не вся правда. В своем исследовании Ж. Ле Гофф показывает [3, с. 102], что еще в XI в., когда недостаточно было евреев в роли заимодавцев, которую они преимущественно брали на себя, и когда христианские купцы еще не перехватили ее у них, функцию «кредитных касс» активно выполняли католические монастыри (!). Но уже веком позже всякого рода ростовщичество оказалось под запретом. Следует уточнить, что под ростовщичеством в те времена понималось не только предоставление денег под проценты. Это и дача денег под залог, и их обмен, и реинвестиции посредством займа [8, с. 178]. Однако это касалось христиан, а среди евреев такая деятельность процветала, поскольку многие другие сферы для них были закрыты. Есть и еще одна сторона проблемы.

Запреты на ростовщичество никогда не носили абсолютного характера даже в католическом мире (тамплиеры, венецианцы, флорентийцы), но они обозначали границы морали. Одно дело – совершать какой-то поступок и понимать его неправильность, аморальность, неодобряемость обществом, осознавать в глубине души собственную порочность, и совсем другое – совершать нечто открыто, вопреки общепринятой морали. Именно поэтому отождествляемые с «грязным» ростовщичеством евреи были племенем неуважаемым, их деятельность противоречила христианским заповедям средневекового мира. Церковь запрещала христианам давать деньги под процент, но Библия и Талмуд смотрят на это иначе: со своих (единоверцев) брать нельзя, с других – можно. Откровенно «деловая» мораль имела больше шансов на выживание, чем христианские представления о личном характере обязательств и «справедливой цене». По правде сказать, евреям тоже не рекомендовалось ссужать деньги под процент, но тут, как отмечено выше, пригодилась ветхозаветная книга Второзакония: «...иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост» (23:20) [9]. Процветало ростовщичество и в Древней Руси. Например, в «Уставе» Мономаха есть указания, что киевские евреи брали до 50% годовых. Отсюда и известный Киевский погром 1113 года.

Цена вопроса оказалась высока – евреи становились изгоями. По степени опасности для общества евреи шли в одном ряду с еретиками и прокаженными. Средневековый город был объединением культового характера, его «христианская община была по своей глубочайшей сущности конфессиональным союзом отдельных верующих, а не ритуальным союзом родов» [10, с. 28]. Она была ритуально необходимой. Этим во многом объясняется особое, нелегитимное положение евреев. Их единению с местными жителями, пишет М. Вебер, препятствовали «чуждый Западу ритуальный запрет браков с неевреями и совершения совместной трапезы и в первую очередь отказ от участия в таинстве евхаристии, от братства» [10, с. 28]. Евреи с самого начала оставались вне союза горожан, считались «пришлым племенем», жили в гетто и управлялись теократически. Очевидно, что в средневековом христианском обществе закладывались основы европейского антисемитизма.

Ментально это мироощущение сохранилось и позднее, в эпоху централизованной государственности. С. Хантингтон так и пишет о западной структуре политической лояльности: «Все частные проявления преданности и верности подчинены чувству лояльности по отношению к национальному государству и уже включены в него. *Группы, выходящие за рамки национального государства, – языковые или религиозные сообщества, или цивилизации, – вызывают к себе не такое сильное доверие и преданность»* (курсив наш. – *А.П.*) [6, с. 269]. В иудейском мире структура лояльности, как известно, представляет собой зеркальное отражение еврейской модели. На протяжении тысячелетий фундаментальными, изначальными и вечными структурами для евреев были семья, племя, культура, религия, поэтому преданность выказывалась им, но не государству. Так было и в средневековом городе, где подобная самоидентификация оказалась «неперевариваемой».

Тому немало «способствовал» и языковой фактор, на чем акцентирует внимание Джордж Фридман [11, с. 21]. Большинство евреев использовали идиш, который являл собою причудливый сплав нескольких языков с немецкой основой, при этом для написания основой – еврейский алфавит вместо латиницы, что все только усложняло. Евреи, считавшие идиш родным языком, не отождествляли себя со страной, в которой они жили; причем титульные нации, составлявшие большинство населения данных государств, обычно воспринимали это с пониманием. Проживание в какой-либо стране было связано, как правило, с повседневным удобством, а не с чувством внутренней сопричастности к ее культуре и экономике. Поэтому использование идиша в качестве родного языка лишь демонстрировало слабую связь еврейских диаспор с окружающим обществом. Такое положение вызывало со стороны титульных народов как возмущение и презрение по отношению к диаспорам, так и подчеркнутое поощрение сохранения этого состояния разделенности и нежелания интегрировать евреев в общество.

Корпоративный характер города евреев не касался, в правовом смысле нахождение иудаистских общин в городах было случайным. Много позже Артур Кестлер четко сформулирует: «Отличительной чертой еврея … является не его принадлежность к той или иной расе, культуре или языку, а религия» [12, с. 99]. Можно сказать, что еврейская самоидентификация возможна только в религиозном образе жизни. Отсюда и противопоставление городских христианских общин и обособленных еврейских анклавов. Знакомясь с историей европейского антисемитизма, можно утверждать, что по своему характеру он – феномен религиозной, а не расовой неприязни. (Все-таки на тот момент не было понятия расы и не разрабатывались псевдонаучные утверждения.) И в его насаждении особенно преуспела католическая церковь, например, объявляя еврейские книги полными кощунственного колдовства. В XX в. все сложилось иначе, как в пещерной до-истории – евреев убивали не за религию, а за расу, за «дефектную» кровь.

Вождь Третьего Рейха А. Гитлер не был первым, кто додумался обязать всех евреев нашивать на одежду желтую звезду Давида. Еще в 1215 г. Четвертый Латеранский Собор обязал иудеев носить опознавательный знак-кружок, вместе с жонглерами и бродягами они составили «семью дьявола». Е. Костюкович замечает: «…это упростило развитие событий в любом уличном конфликте и в полицейском его улаживании» [13, с. 13]. В эпоху Контрреформации на Тридентском Соборе было принято решение об одобрении и повсеместном учреждении гетто, имевших двойную функцию – защиты и изоляции.

Этимологию самого слова выяснил французский ученый Жак Эрс [14, с. 32]. Он связывает его с работой на рудниках Сербии, Чехии и Саксонии, где выплавлялись металлы и чеканились монеты. Опасаясь пожаров, мастерские по литью металлов устраивали в кварталах, удаленных от центра, которые назвали *getto.* Этим термином обозначалась особо деликатная операция, состоявшая в заливке расплавленного металла в формы. В этих *getto,* от которых происходит слово «гетто», жили в т.ч. и евреи, и с тех пор этим словом стали называться кварталы, где жили еврейские общины, также в других городах. Территориальная обособленность еще больше дистанцировала евреев от жителей города, и это обострило и без того существующие проблемы во взаимоотношениях.

Евреев подавляли, поскольку они представляли во многом необъяснимо беспричинную опасность, но одновременно не выпускали из поля зрения. В этой мнимой заботе чувствовалось почти осознанное стремление мистически перенести на них все то зло, от которого общество пыталось в себе избавиться.

В коллективном бессознательном неграмотного народа еврей персонифицировал собой квинтэссенцию абстрактного зла. Несколько слов и об этом.

Долгое время христиане не видели в евреях серьезной проблемы, а церковь разрабатывала теоретические и практические принципы взаимодействия христиан и евреев. Но когда в Европе установился феодальный строй, евреи по статусу приравниваются к сервам. Тем самым они попадают под власть сеньоров, а значит, нуждаются в их покровительстве. Ввиду их учености правители иногда приглашают евреев справиться с некоторыми экономическими проблемами либо заняться врачеванием, вследствие чего те могли получить особые привилегии. К тому же евреи были единственным народом, чью религию христиане признавали легитимной, а в среде ученых клириков нередко затевались диспуты с раввинами для обмена взглядами по вопросам толкования Библии. Строились школы и синагоги, процветали купеческие общины. Всем этим и был обусловлен приток евреев в христианские страны. Но вскоре начались и гонения.

По мнению Ж. Ле Гоффа [8, с. 138], это связано с первым крестовым походом и взятием Иерусалима в 1099 г. Связанный с этим городом образ распятого Христа – жертвы евреев – породил по отношению к ним волну враждебности и ненависти. Тут сыграло свою роль одно важное обстоятельство: уже доказано, что христиане XI в. не вполне представляли себе протяженность исторического времени и считали, что Христа распяли в современную им эпоху. А значит, те, кого они собирались наказать, и были его непосредственными палачами. Отправившиеся на Ближний Восток участники похода по дороге встречали многочисленные еврейские общины, в отношении которых чинились расправы. Это и была первая большая волна погромов в Европе, растянувшаяся более чем на тысячелетие.

Евреев в Европе «терпели», пока их некому было заменить. Политика средневековых государств по отношению к ним была и подлой, и откровенно глупой. Как пишет А.М. Буровский [15, с. 14], если раньше евреев звали приехать в страну потому, что там не хватало своих горожан, и короли опекали этих беспокойных, но полезных людей, то теперь их только терпят и к тому же нахально используют для выжимания денег. Например, в Англии казна все время вводит новые и новые налоги – специально для евреев. Был налог на холостяков, но если еврей хотел жениться – другой налог, на брак. На каждую сделку, заключенную евреем, – также налог. После смерти еврея ⅓ его имущества отходила казне.

Во Франции король Филипп Красивый внаглую вымогал деньги путем арестов и шантажа, попросту отбирая нужные суммы у богатых людей. Затем начались откровенные погромы, гонения, репрессии. В 1290 г. английский король Эдуард I дал евреям срок полгода, чтобы те покинули остров (более 20 000 человек, большинство – во Францию). Но и во Франции все повторилось. В 1306 г. евреев оттуда изгнали, при Людовике X в 1315 г. позволили вернуться, но финансовая система пострадала, да и конфискованное ранее имущество не вернули. В 1394 г. произошло окончательное изгнание евреев из Франции и более 100 000 человек покинуло страну, в основном – в Италию. В германских землях погромы шли постоянно. После короткого изгнания евреев из Литвы (1495) начинается их оседлая общинная жизнь на белорусских землях.

Но больше всего евреев было в Испании (называют разные цифры: от 600 000 до 1 500 000 человек). С 1391 г. там начались нападения на них и насильственные крещения. Этому есть свое объяснение, полагает Георг Вебер [16, с. 298–299]. Дело в том, что войны с мусульманами, именуемые Реконкистой, оказали сильное влияние на характер испанского народа; они развили в нем храбрость, но вместе с тем и фанатизм, пользуясь которым властолюбивое духовенство подвергло свирепому преследованию евреев, мусульман и всех людей, подозреваемых в ереси. Так возник инквизиционный Доминиканский орден (по имени основателя – Доминго), деятельности которого благоприятствовал фанатизм населения, а кастильские короли всячески это поощряли. Почему так?

В свое время евреи, подвергшиеся нападению и разграблению вестготов (Ж. Ле Гофф так и пишет: «Антиеврейские постановления вестготских королей и церковных соборов могут рассматриваться в числе истоков европейского антисемитизма» [8, с. 41]), помогали арабам завоевывать и осваивать Пиренейский полуостров и за это пользовались их покровительством. А поскольку евреи занимали видные места в социуме (ученые, врачи, финансисты) и были очень богатыми людьми, по мере расширения христианских владений враждебное отношение к ним только нарастало (что интересно, главные испанские инквизиторы Томас Торквемада и Диего Деза были выкрещенными чистокровными евреями). Завершающим актом стало принятие в 1492 г. королями Фердинандом и Изабеллой Гранадского эдикта, или «Эдикта об изгнании». Согласно ему, все евреи Испании должны в трехмесячный срок креститься или навсегда покинуть пределы страны. Ж. Ле Гофф доказывает [8, с. 140], что именно испанские «католические короли» впервые заговорили о чистоте крови.

Таких широкомасштабных конфискаций и изгнаний Западная Европа не знала ни в какие времена. Подобным образом, утверждает Р. Пайпс [17, с. 230], обходились только с евреями, на которых смотрели как на чужестранцев. Все это напоминало действия древних монархий Ближнего Востока, вроде Вавилона, Египта, Ассирии.

К слову сказать, в другой части «географической Европы» – Московии – имели место такие же трагические события. При завоевании Великого Новгорода Иваном III и Иваном Грозным состоялись грандиозные массовые казни, конфискации и депортации, закрытие в 1494 г. в городе Ганзейского двора и утрата Новгородом демократического устройства городской жизни. На завоеванных территориях московские цари проявили себя отменными антисемитами, достаточно вспомнить еврейский погром при взятии Полоцка в 1563 г., когда более 300 человек утопили в Двине. Но вернемся в Испанию.

Сотни тысяч людей бежали к мусульманам, в Португалию и Италию, позже – в Голландию. Переселенцы ехали туда, где можно было возвратиться к своей вере, и несли с собой свои деньги, знания и связи. Жизнь в условии запретов побуждает людей вырабатывать соответствующие привычки, так и «запрет на владение землей и постоянная гонимость евреев выработали у них готовность к переселениям, легкость в овладевании языками и традицию вкладывать сбережения в единственную форму, легко перемещаемую (хотя и легко отнимаемую), – драгоценности» [13, с. 13]. Они основывали торговые филиалы во всех морских портах, развивали производство и прокладывали новые торговые пути, создавали знаменитые банкирские конторы, активно заселяли новые континенты и, конечно же, занимались любимым делом – финансовыми махинациями и ростовщичеством, что особенно не нравилось ревностным приверженцам христианской веры.

Сводить активность евреев лишь к финансово-экономической составляющей было бы неправильно. Например, после испанских событий 1492 г. в изгнании оказываются и великие каббалисты Иберийского полуострова, рассеявшиеся по всей Европе и особенно по Италии (Соломон Ибн Верга, Иосиф Каро, Иосиф ибн Яхья, Авраам Фариссоль, Исаак Абрабанель). Так гуманисты получают возможность познакомиться с неведомыми ранее текстами и доктринами, отмечает Умберто Эко [18, с. 273]. Многие из них имели восточное и античное происхождение: *«Орфические гимны», «Халдейские прорицания», «Герметический корпус», «Диалоги»* Платона, *«Эннеады»* Плотина. Можно сказать, что в эпоху Ренессанса они обеспечили необходимую связь между религией и философией, возродили древнюю мудрость, заставили гуманистов заново изучать историю и страны, учиться веротерпимости. Знание и образование для евреев всегда имели огромное значение, «они внесли непропорционально большой вклад в науку и эволюцию научного метода» [4, с. 98].

Беженцев встречали по-разному. Показательна история семейства Рикардо [19, с. 358], откуда впоследствии вышел Давид, теоретик свободной торговли и автор знаменитых *«Начал политической экономии и налогового обложения»*, опубликованных в 1817 г. Его предки в XVI в. бежали от террора в Португалии и нашли убежище в порту Ливорно, который среди итальянских городов-государств был единственным, где евреев не заставляли креститься, жить в гетто и выслушивать нотации священников. Одного из членов семьи – Самуэля Израэля – пригласили в 1680 г. в Амстердам, где он развил свой бизнес. Отец Давида, Абрахам Израэль Рикардо, обосновался в Лондоне, где добился успехов брокером на бирже, а сам Давид, будучи членом Парламента, влиял на английскую политику. Но это было уже́ в XIX в., разительно отличавшемся от предыдущих.

Процесс еврейского влияния на жизнь общества шел болезненно, особое ожесточение он встречал со стороны церкви и простого народа. Складывалась противоречивая ситуация. Христиане в течение всего Средневековья вели диалог с евреями (нередко между священниками и раввинами были публичные и частные споры по поводу Библии), прерывая его преследованиями и погромами. Крестовые походы усилили антисемитизм, а с XI в. начались первые грандиозные погромы – в Майнце перебили 900 евреев, не пощадив ни женщин, ни детей.

Реакция еврейских сообществ на выталкивание их из цивилизации Европы была адекватной: «На фоне гигантской коллективной травмы абсолютизировалась идея собственной культурной ни-на-что-не-похожести, чего последствия всем известны: обособление языковое, поведенческое, территориальное (иврит, идиш, кошер, гетто)» [13, с. 14]. Время гонений и притеснений пришлось на кризисный и во многом катастрофичный период жизни Европы: Столетняя война, крестьянские восстания, голод 1315–1317 гг., чума 1347–1348 гг. Гибель и болезни выбили треть населения [20].

Кто в этом виноват и на кого обратить праведный гнев? Ясно, что на эту роль лучше всего подходили евреи с их непонятным языком, стилем жизни и «колдовскими» книгами. К тому же, активно распускались слухи о ритуальных убийствах, возведенные в ранг истины: якобы евреи убивают христианских младенцев, чтобы использовать их кровь для своих обрядов. Также утверждалось, что евреи оскверняют освященные просфоры. Обвинений более чем достаточно. С тех пор церковники и народные массы получили возможность удобного выхода из любого тупикового процесса.

В Испании и Португалии вопрос был решен наиболее радикально, когда евреям предоставили «выбор»: отъезд, крещение или смерть. С тех пор, можно предположить, было взято правило истолковывать любую историческую катастрофу как козни закулисного агента, злоумышленно переводящего стрелки истории (затем на эту роль сгодились и масоны, что на научном уровне доказывал О. Кошен [21]).

А ведь были еще тамплиеры, розенкрейцеры, иезуиты, иллюминаты и прочие «губители» рода человеческого. И поныне версия об оккультной регулировке истории имеет немалую популярность: ничто само не происходит, за всем стоит что-нибудь тайное и дьявольское. В то же время, пишет Ж. Ле Гофф, «еврей-ростовщик был необходим обществу как кредитор – ненавидимый, но полезный и незаменимый» [3, с. 384].

Следует учитывать, что большинство королей, феодалов, правящих династий рассматривали богатых евреев в качестве кредиторов, полностью доверяя им ведение финансовых дел. Например, при дворах многочисленных немецких князей, начиная с XV в., существовал институт «придворных факторов». Эти финансисты «исполняли для своих титулованных, спесивых и зачастую недалеких хозяев кучу полезных и неотложных дел» [22, с. 262]. В их руках – управление имуществом и финансами вплоть до чеканки монет, снабжение господ всем необходимым, от предметов роскоши до продуктов питания к столу или, скажем, породистых лошадей. Ссужали деньгами в обмен на право сбора налогов или всевозможные торговые привилегии. Такое «комплексное обслуживание» позволяло евреям сколачивать огромные капиталы и обрастать разветвленными связями по всей Европе и за ее пределами.

Конкретных примеров великое множество [23, с. 286]. Первым влиятельным фактором при дворе императора Священной Римской империи и испанского короля Карла V Габсбурга был Иаков Фуггер (1459–1525), прозванный Богачом и делателем коронованных особ. Все вопросы снабжения Баварии продовольствием находились в руках единственного поставщика-монополиста, банкира Арона Элиаса Зелингмана. На свадьбу баварского принца Карла Альбрехта с императорской дочерью Марией-Амалией (1722) было истрачено более трех миллионов флоринов при пустом бюджете и огромном государственном долге. Деньги дали Ной Самуэл Исаак и Вольф Верттеймер под залог всех государственных рент и доходов.

Подобные операции проводились и позднее, в эпоху наполеоновских войн. Например, первый фактор австрийского двора Самуэль Оппенгейм брал в залог все доходы империи. Саксонский курфюрст Август I заполучил корону Речи Посполитой стараниями банкира Беренда Лемана, а финансист Йост Либман поспособствовал коронации бранденбургского курфюрста Фридриха III из династии Гогенцоллернов, ставшего первым прусским королем. Майер Амшель (так звали молодого Ротшильда) спонсировал поставку в Америку во времена Войны за независимость США около 30 000 гессенских наемников, выступивших на стороне Британии. Операция обошлась более чем в восемь миллионов фунтов стерлингов. С другой стороны, партнер по бизнесу известный американский банкир Хаим Соломон субсидировал американских повстанцев-республиканцев. Как писал Марио Пьюзо в «Крестном отце», «бизнес – ничего личного».

Финансово-экономическая активность евреев не обминула Польшу и Великое Княжество Литовское. Этому были свои причины. Во-первых, все XVI столетие знаменовалось ростом мировой экономики и Великими географическими открытиями. Тот же Колумб, крещеный генуэзский еврей, опирался на финансы и технику, принадлежавшие евреям и марранос (принявшим христианство, но продолжавшим тайно соблюдать еврейские законы). Однако с учетом их изгнания с Пиренейского полуострова и отношения к ним в Европе в эпоху Реформации и контрреформации у евреев не было выбора, кроме как раздвигать границы диаспоры и искать новых приложений своим деловым навыкам. Поэтому часть переселенцев (преимущественно – сефарды) отправилась в Америку и основала там первые фактории, а другие – на восток, где были достаточно толерантные религиозные законы и не так сильна конкуренция. Во-вторых, на востоке евреи действовали активно еще со времен эллинов, да и обращение Хазарского царства (тюркского по крови) в иудаизм в первой половине VIII в. много значило для этого огромного благодатного региона [24, с. 355].

Лишь «уткнувшись» в Московское государство, еврейские торговцы и миссионеры были вынуждены остановиться (иудеи официально не допускались на территорию России вплоть до разделов Речи Посполитой конца XVIII в. Например, императрица Елизавета в 1742 г. издает указ о запрете для евреев проживания в империи и даже высылке их [25, с. 27]). Но московский барьер, препятствовавший проникновению евреев на восток, привел к интенсивному их оседанию в Польше, Беларуси, Литве, Украине. Это серьезный третий фактор. Евреи служили ключевым элементом в мощном процессе колонизации с его быстрым подъемом сельскохозяйственного производства и торговли, а также феноменальным ростом населения. В итоге получилось следующее.

В 1503 г. польский король назначил равви Якова Поляка раввином Польши, и «возникновение главного раввината, поддержанного короной, способствовало формированию такой системы самоуправления, какой евреи не знали со времен экзархата (у них был очень широкий круг полномочий в вопросах юстиции и финансов, назначения судей и других чиновников)» [23, с. 287]. Разумеется, передавая часть власти евреям, монархия преследовала свои собственные интересы. Но следовало учитывать довольно сильную враждебность поляков-католиков по отношению к евреям, а также тот факт, что последние обычно не допускались в крупные города, где существовала сильная торговая прослойка немцев-лютеран и шотландцев-пресвитериан. Большинство же торговых операций на Балтике было в руках голландцев-кальвинистов. Но вся остальная экономика и финансы были освоены евреями.

Никто не остался в обиде, за исключением основной массы населения – полурабских нещадно эксплуатируемых крестьян. Короли обнаружили, что могли бы зарабатывать на евреях, продавая городам привилегию «о толерантности к евреям». Но они могли зарабатывать еще больше, разрешая рост еврейских общин и за это получая постоянные доходы. Раввинат и местный еврейский совет при этом превращались, по существу, в налоговую инспекцию. Лишь 30% их сборов шли на социальное обеспечение и заработки официальных лиц; все остальное передавалось короне в обмен на покровительство.

Как отмечается в литературе [25, с. 31], евреи брались под княжескую и корпоративную защиту и получали привилегии не раз (в XIII в. от Болеслава Благочестивого, в XVI в. от Сигизмунда I и от Стефана Батория), хотя это иногда перемежалось с притеснениями (в XV ст. при Владиславе Ягелло и при Александре Казимировиче, в том веке было и два еврейских погрома в Кракове). Для правителей Речи Посполитой социальный мир был очень важен. Например, они всячески содействовали заключению соглашений между городскими и еврейскими общинами. В письме короля Стефана Батория 1576 г. отмечено, что многие города Великого Княжества Литовского имели специальные «пакты, условия и постановления» с еврейскими общинами. Сигизмунд III своей грамотой 1578 г. наказывал магистратам всех городов рассматривать судебные споры между горожанами и евреями на основе земских уставов [26, с. 116].

В XVI в. в ряде польских городов было введено гетто, отчасти и для безопасности самих евреев. Для религиозного и национального сохранения создавались кагалы, выросшие из самых недр еврейской жизни, где всем заправляли старейшины и раввины. Эта организация не давала евреям ассимилироваться, но из-за своей заскорузлой консервативности не давала еврейской диаспоре нормально развиваться. Будучи связанным с властью, кагальное устройство застыло в средневековом обличье, далеко отстало от Европы.

Союз раввината с общинными финансами, а также с деловой активностью тех, кто их пополнял, привел восточных евреев-ашкенази к тому, что они пошли еще дальше итальянцев начала XVI в., дав галахическое благословление новым кредитно-финансовым методам. Польские евреи, жившие и работавшие вблизи границ цивилизации, имели крепкие связи с семейными еврейскими фирмами в Нидерландах и Германии. В 1607 г. еврейские общины Польши и Литвы получили право использовать гетер-исках – систему выдачи ссуд одними евреями другим под процент. Имея легкий доступ к кредитам, евреи начинают играть ведущую роль в развитии экономики Восточной Европы (особенно после Брест-Литовской унии 1569 г., которая сделала возможным польское заселение Украины – самого пригодного для земледелия региона Европы). К тому времени успешно завершилась для Польши Ливонская война, что означало устранение конкурента на этих землях – Московского государства.

Дело в том, что население Западной Европы быстро увеличивалось и ему требовался возрастающий импорт зерна. Амбициозные польские помещики, рвавшиеся в ответ на эти запросы осваивать новые районы возделывания пшеницы и направить потоки зерна через балтийские порты (Черное море – под турками) на Запад, стали вступать в партнерские отношения с евреями-предпринимателями. Те же, в свою очередь, вели коммерцию с протестантами-горожанами-немцами портовых городов и мореплавателями-торговцами-голландцами. Польские и литовские магнаты – Радзивиллы, Собесские, Замойские, Острожские, Любомирские – либо владели соответствующими землями, либо завоевывали их. Евреи у них не только управляли имениями, но и в ряде случаев организовывали их аренду или заклад под оборотные средства, взимали арендную плату. Они строили и эксплуатировали мельницы и винокурни, владели рыночными судами, на которых вывозили пшеницу, привозя обратным рейсом вина, ткани и предметы роскоши, которыми торговали в своих лавках. Под их полным контролем находилось мыловаренное, керамическое, кожевенное и пушно-меховое производство.

Евреи выступали в качестве посредников между шляхтой и крестьянами. Чтобы принять участие в прибыльной колонизации, на эти территории съезжались евреи со всей Европы. Во многих населенных пунктах они стали составлять большинство населения, тем самым играя важную роль не только в экономике, но и в общественной жизни и культуре. Вне городских стен у каждого польского либо литовского магната был свой еврей-советник, который вел бухгалтерские книги, писал деловые письма и вообще занимался экономикой. «Благодаря» контрреформации в Речи Посполитой устраняется важнейший конкурент в сфере производства и торговли – протестанты.

Статуты ВКЛ закрепили и утвердили относительно безопасный статус евреев, лишь в казацких районах они подвергались гонениям и резне, там вовсю свирепствовали погромы. Особенно это касалось территорий Польской Короны, где основным населением было православное крестьянство, долго имевшее вольности и свободное от податей. На землях современной Украины католики-помещики при содействии евреев выжимали из «православных хлопов» все соки, но в случае страшных казацких восстаний ни те, ни другие не могли рассчитывать на пощаду. Когда в 1648 г. была развязана война под предводительством Богдана Хмельницкого, наравне с поляками погибли десятки тысяч евреев. Однако после военных действий по Белоцерковскому договору 1651 г. евреям было возвращено право водворяться по

всей Украине, и они, конечно же, взялись за старое. Умение выживать в любых условиях сохраняло их доминирующее положение во всех финансово-торговых сферах. Вспомним, каким рисковым описал еврейский бизнес в самой Запорожской Сечи Н.В. Гоголь в «Тарасе Бульбе» [27, с. 96], но и там он приносил немалый доход.

Позволим себе маленькое отступление. Кем были запорожцы в интерпретации того же великого писателя: «Турок пограбим, татарву посечем, ляхам кишки выпустим...». И среди таких «миролюбивых» христиан настойчиво и с риском для жизни деловито снуют евреи. И в этом нет ничего нового. Удивительная параллель обнаруживается в античной истории, и ее точно подметил В. Зомбарт: «Когда *Марциан* в своих объяснениях Езекиеля о евреях в Римской империи замечает: “До сегодняшнего дня в сирийцах (евреях) живет такое врожденное рвение к делам, что они из-за наживы исходят все земли; и так велика их страсть торговать, что они повсюду внутри Римской империи среди войн, резни и убийств стремятся нажить богатство”, – то это попадает в самую точку и характеризует с эпиграмматической краткостью положение евреев в хозяйственной жизни народов: “*среди* войны, резни и убийств” стараются они нажить богатства, в то время, как другие народы стремятся нажить их *путем* войны, резни и убийств» [1, с. 125]. Что благовиднее – насилие либо нажива – вопрос еще тот. Но продолжим основную тему.

События в Речи Посполитой конца XVI века мало чем отличались от общеевропейского контекста. К этому времени идеологический нажим контрреформации иссяк, светские властители проводили линию католицизма (или протестантизма) исходя из собственных интересов, влияние и власть Ватикана стремительно убывали, а авторитет государства рос. Признанные авторы трудов по юридическим и политическим проблемам – Монтень, Бодэн, Липсий, Ф. Бэкон – придерживались светских взглядов на жизнь. Религия не должна разделять народы, и поэтому задача государства – добиваться мирного урегулирования, единства и процветания.

В этой новой атмосфере терпимости и политики реализма ученость евреев и их коммерческие таланты оценили по достоинствам. Города и княжества, изгонявшие евреев в начале века, стали вновь принимать их. Любопытный эпизод из истории Великого Княжества Литовского обнаружил Т. Снайдер [28, с. 37]. Общеизвестно, что Ф. Скорина напечатал значительную часть Библии в белорусском варианте церковнославянского языка. Но можно найти библейские переводы начала XVI в. на местную «русинскую» (старобелорусскую), которые в отличие от Скориновского варианта, делались непосредственно с иврита. Это постарались литовские евреи, которые знали иврит и разговаривали на русинском. Переводы могли предназначаться либо для христиан, либо для евреев, либо для тех и других. Не случайно еще в 1524 г. указом короля польского и великого князя литовского евреям были подтверждены их привелеи. Не забудем, что книгопечатание и все с ним связанное – коммерчески прибыльный проект.

Великая сила евреев состояла в их способности быстро извлекать выгоду из новых возможностей, чувствовать возникновение беспрецедентной ситуации при ее появлении и разрабатывать методы, позволяющие к ней приспособиться. Христиане же долго учились справляться с обычными финансовыми проблемами, были консервативны и медленно реагировали на новые обстоятельства. Например, к концу XVI в. главным из этих обстоятельств стал рост масштабов войн и военных расходов. Король торговли Австрии Мариус Майзель [23, с. 290] снабжал императора Рудольфа II (видного коллекционера) произведениями искусства и научными приборами, но главной его задачей было финансирование войны с Турцией. Взамен представитель династии Габсбургов разрешал ему займы не только под такой реальный залог, как драгоценности, но и под векселя и землю.

Когда в 1618 г. разразилась Тридцатилетняя война и династия Габсбургов была близка к гибели, огромные средства в ее поддержку выделил пражский финансист, который разорил и обезлюдил Германию, вывел евреев в самый центр европейской экономики. Приходилось годами, в т.ч. и в зимний период, держать в поле огромные армии, но **обеспечить** их провиантом и фуражом удавалось только благодаря сети продовольственных поставок, организованной евреями в Восточной Европе. Они строили литейные и пороховые заводы и, самое главное, добывали наличные деньги, изобретая новые способы активизации имперских авуаров. Тот же Бассефи в 1622 г. основал консорциум, который взял в аренду имперский монетный двор (!). Фердинанд II издал приказ, чтобы евреев не подвергали принудительным займам, не помещали к ним войск на постой, не призывали на воинскую службу.

На заключительном этапе войны евреи владели контрактами на поставку провианта всех армий, а некоторые из них (Гомперцы, Беренды, Леманы, Фюрсты, Гольдшмиты, Абензуры) фактически играли роль главных министров при европейских монархах, помогая им концентрировать в своем дворце политическую и экономическую власть, выгоду от чего имели и евреи, и суверены. Дальше – больше. Во второй половине XVII в. денежные ресурсы семьи Оппенгеймеров способствовали успешному сопротивлению продвижению Турции в Европу и пресечению доминирования Людовика XIV на европейском континенте. Все контракты заключал Самуил Оппенгеймер, а его семейные связи в Германии и Нидерландах делали европейскую систему добывания и переброски крупных сумм очень эффективной.

Апогеем еврейского финансового могущества можно считать появление финансовой системы Ротшильдов, раскинувшейся по всей Европе в эпоху кровопролитных наполеоновских войн. Только вдумайтесь. Амшель Майер, как старший сын, унаследовал от отца финансовое сердце клана – Франкфурт-на-Майне. Натан Майер и Джеймс Майер еще при жизни отца перебрались в Англию и Францию, между которыми шла война. Соломон Майер обосновался в Вене при дворе императоров, а Кальман Майер убыл в Италию, где его клиентом стал сам римский папа. В Берлине интересы братьев представляли дружественные банки Мендельсона и Блейхредера, финансировавшие династию Гогенцоллернов: «При Бисмарке его финансовый советник Герман фон Блейхредер […] помог Ротшильду и другим банковским домам получить право финансирования германских военных действий» [29, с. 137]. В упрямую царскую Россию Ротшильдов не пустили. После смуты во Франции и наполеоновских войн Ротшильды занимают лидирующие мировые позиции в мире банков и финансов – особенно после проникновения в США. Но у этих событий – своя предыстория, многое объясняющая.

Продолжение – в № 14

ЛИТЕРАТУРА

1. Зомбарт, В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека : [пер. с нем.] / В. Зомбарт. – М. : ТЕРРА-Книж. клуб, 2009. – 576 с.
2. Бэкон, Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Бэкон ; сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Л. Субботина. – 2-е испр. и доп. изд. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2. – 576 с.
3. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. В.А. Бабинцева. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 560 с.
4. Харрисон, Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / Л. Харрисон ; пер. с англ. Ю. Кузнецова. – М. : Мысль, 2014. – 286 с.
5. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер ; пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М. : Мысль, 1998. – 606 с.
6. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. – М. : АСТ, 2014. – 571 с.
7. Фергюсон, Н. Восхождение денег / Н. Фергюсон ; пер. с англ. А. Коляндра, И. Файбисовича. – М. : АСТ: CORPUS, 2013. – 431 с.
8. Ле Гофф, Жак Рождение Европы / Жак Ле Гофф ; пер. с фр. А.И. Поповой, предисл. А.О. Чубарьяна. – СПб. : Александрия, 2014. – 398 с. – (Серия «Становление Европы»).
9. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Изд.-во Моск. Патриархии. 1988. – 1376 с.
10. Вебер, М. Город : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова ; предисл. П.П. Гайденко. – М. : Прогресс, 2000. – 102 с.
11. Фридман, Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира / Дж. Фридман. – СПб. : Питер, 2016. – 400 с.
12. Кестлер, А. Иуда на перепутье / А. Кестлер // Время и мы. – 1978. – № 33. – С. 99.
13. Эко, У. Пражское кладбище / У. Эко ; пер. с итал. Е. Костюкович. – М. : Corpus, 2013. – 560 с.
14. Эрс, Ж. Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты / Ж. Эрс ; пер. с фр. М.Ю. Некрасов. – СПб. : ЕВРАЗИЯ, 2014. – 320 с.
15. Буровский, А.М. «Еврейское засилье» – вымысел или реальность? Самая запретная тема! / А.М. Буровский. – М. : Яуза-пресс, 2010. – 352 с.
16. Вебер, Г. Всеобщая исторія / Г. Вебер ; изд. К.Т. Солдатенкова. – М. : Тип. В.В. Исленьева, Большая Кисловка, домъ Архипова, 1888. – 629 с.
17. Пайпс, Р. Собственность и свобода: рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона / Р. Пайпс ; пер. с англ. Д. Васильева. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 415 с.
18. Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике / У. Эко ; пер. с итал. А. Шурбелева. – М. : АСТ: CORPUS, 2015. – 352 с.
19. Бернстайн, У.Дж. Великолепный обмен: история мировой торговли / У.Дж. Бернстайн ; пер. с англ. И. Летберга. – М. : АСТ, 2014. – 508 с.
20. Баччи, М. Демографическая история Европы / М. Баччи ; пер. с итал. А. Миролюбовой. – СПб. : Александрия, 2010. – 304 с. – (Серия «Становление Европы»).
21. Кошен, О. Малый народ и революция / О. Кошен ; пер. с фр. О.Е. Тимошенко, предисл. И.Р. Шафаревича. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 288 с.
22. Зуев, Я. Большой план апокалипсиса / Я. Зуев. – М. : Эксмо, 2012. – 512 с.
23. Джонсон, П. Популярная история евреев / П. Джонсон ; пер. с англ. И.Л. Зотов. – М. : Вече, 2001. – 672 с.
24. Буровский, А.М. Евреи, которых не было: Курс неизвестной истории : в 2 кн. / А.М. Буровский. – М. : АСТ ; Красноярск : Издател. проекты, 2004. – Кн. I. – 414 с.
25. Солженицын, А.И. Двести лет вместе : в 2 ч. / А.И. Солженицын. – М. : Русский путь, 2001. – Ч. 1. – 512 с.
26. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік / Т.І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.

27. Гоголь, Н.В. Избранные сочинения / Н.В. Гоголь ; редкол.: Г. Беленький [и др.] ; сост., вступ. ст. П. Николаева ; предисл. А. Щербакова. – М. : Худож. лит., 1987. – 703 с.
28. Снайдэр, Т. Рэканструкцыя нацый: Польшча, Україна, Літва і Беларусь, 1569–1999 гг. / Т. Снайдэр. – Мінск : Медысонт, 2010. – 424 с.
29. Джонсон, П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы : в 2 т. / П. Джонсон ; пер. с англ. В. Атанасов, Д. Матев. – М. : Анубис, 1995. – Т. I. – 528 с.

Поступила 21.09.2017

THE ROLE OF THE JEWISH FACTOR IN THE DESTRUCTION OF THE OLD AND CREATING A NEW EUROPE

A. PUGACHEV

The role of the Jewish factor in shaping the foundations of folding capitalism and the destruction of the feudal-clerical system is shown. The influence of Judaism on the formation of new economic practices is traced. The phenomenon of usury and its flourishing under the unfavorable conditions of feudal Europe is considered. It is explained why the historical dispersion of Jews contributed to the denationalization of economic life. The reasons and possibilities of financial and economic activity of the Jewish communities, the origin of the institution of court factors are elucidated. The experience of religious tolerance (GDL, Holland, USA) and aging of anti-Semitic sentiments are being studied. Historical parallels are drawn between Protestantism and Jewry as the two most important forces equally interested in the revision of the medieval world order and the establishment of new legal rules. The fundamental difference between them is shown along the economic, ideological and spiritual-cultural parameters.

Keywords: *capitalism, a new economy, usury, finance, immigration, religion, anti-Semitism, Protestants, Puritanism.*